

Т.А. СМЕТАНИНА¹, И.К. ЛИСЕЕВ²

¹Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

²Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

ОТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО К СОЦИОКУЛЬТУРНОМУ ТРЕНДУ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трансформации социальной системы в условиях перехода на постиндустриальный этап развития. Анализируются различные подходы к выделению критериев постиндустриального общества. Подчеркивается важность перехода от социально-экономического к социокультурному тренду развития общества и философского исследования изменений ценностных ориентаций постиндустриальной цивилизации. Выявляется экологическая составляющая нового тренда на устойчивое развитие общества. Анализируются связанные с ним представления о роли государства как регулятора не только правовых, социальных, но и социоприродных аспектов общественной жизни. В контексте теории глобализации сопоставляются позиции сторонников универсализма в трактовке исторического перехода к постиндустриализму и критика такого подхода. Подчеркивается нелинейность процессов социокультурной трансформации современных обществ и перспективность применения идеи коэволюции как познавательной модели для исследования природного, социального и культурного развития.

Ключевые слова: индустриальное общество, деиндустриализация, постиндустриальный тренд, цивилизационный кризис, коэволюция, устойчивое развитие.

T.A. SMETANINA¹, I.K. LISEEV²

¹Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

²Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

FROM THE SOCIO-ECONOMIC TO THE SOCIAL-CULTURAL TREND OF THE DEVELOPMENT OF SOCIETY

Abstract. This article discusses the features of the transformation of the social system in the conditions of transition to the post-industrial stage of development. Examines various approaches to selection criteria of postindustrial society. Stresses the importance of the transition from the socio-economic to the socio-cultural trend of the development of society and the philosophical research of changes of value orientations of the post-industrial civilization. Environmental component is detected a new trend on the sustainable development of society. Analyses the related notions about the role of the State as regulator not only legal, social, but also of socio-natural aspects of public life. In the context of globalization theory compares the position of the supporters of universalism in the interpretation of historical transition to postindustrializmu, and the criticism of this approach. Emphasizes the sociocultural processes of transformation of the non-linearity of contemporary

societies and the prospect of application of co-evolution of ideas as a cognitive model for the study of natural, social and cultural development.

Keywords: industrial society, de-industrialization, postindustrial trend, civilizational crisis, CoEvolution, sustainable development.

Радикальная трансформация всех сторон жизни, всех элементов социокультурной системы, которую переживает Россия последние четверть века, связана не только со спецификой ее исторической судьбы. В странах, лидирующих с точки зрения социально-экономического и технологического потенциала, уровня развития политической и культурной сферы, также наблюдаются тенденции, выходящие за рамки периодических финансово-экономических кризисов. Их справедливо связывают с кризисом современного типа цивилизационной организации общества. Индустриализм с его экономикой, философией и, в целом, с его мировоззрением уходит. Какая новая цивилизационная модель идет ему на смену?

Философская рефлексия, развернувшаяся со второй половины XX века, породила различные варианты новой периодизации общественного развития. Наиболее популярными стали концепции, нашедшие обоснование в работах Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса, Ж. Фурастье, Р. Хейлбронера. Одни исследователи называют новую цивилизационную модель постиндустриальной [1], другие – информационной [9]. Некоторые ученые не видят большой разницы между этими моделями организации общества, фактически их отождествляя. Мы будем исходить именно из последней трактовки. Это позволит акцентировать другие дискуссионные моменты – критерии выделения нового цивилизационного этапа и содержание новых трендов, определяющих ценностные основания и направление общественного развития. Так, Ф. Фукуяма в постиндустриальной стадии развития усматривает предел социальной эволюции, знаменующий конец человеческой истории [17]. Здесь разворачивается не просто философский дискурс, но и противостояние, имеющее значительные экономические и политические последствия. Может ли либерально-демократическая модель и тип социально-экономического развития, сложившийся в лидирующих на сегодняшний день странах, рассматриваться как универсальный образец? Возможны ли альтернативные варианты общественного развития? Допускает ли постиндустриальная стадия только один или несколько вариантов своего воплощения?

Несмотря на специфику авторских трактовок содержания и перспектив этой новой стадии социокультурного развития, все они исходят из того факта, что сложившаяся в новоевропейский период модель индустриальной цивилизации, которая формировала деятельностные установки, ценностные ориентации людей, претерпевает глубокую трансформацию. Ключевые коды, определявшие, согласно Э. Тоффлеру, социокультурные параметры индустриальной цивилизации – стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация, ныне существенно видоизменяются. Характеристики постиндустриального будущего диаметрально противоположны – разнообразие источников энергии, дифференцированность технологической базы, прекращение конвейерного производства продукции [12]. Сфера услуг, знания, информация формируют ядро новой социально-экономической системы. Дж. Несбит к мегатрендам, которые характеризуют новую цивилизационную модель постиндустриализма, относит переход от развитой техники к высоким технологиям, от национальной экономики к

мировой, от краткосрочных задач к долгосрочным, от централизации к децентрализации, от институциональной помощи к самопомощи, от представительной демократии к непосредственной, от иерархии к сетям и т.д. [24].

Определяя критерии перехода общества от стадии индустриализма к постиндустриализму, сторонники этой теории, как правило, делают акцент на социально-политических, технологических, финансово-экономических, геополитических параметрах. Д. Белл, правда, стремился к преодолению марксистского экономического и технологического детерминизма, подчеркивая: «Разумеется, технико-экономическая система оказывает воздействие на другие сферы общества, но она не определяет их. Политика относительно автономна, а культура – исторична» [1, с. 145].

Однако культурные параметры кризиса индустриальной цивилизации гораздо менее разработаны, а уже выделенные критерии реже присутствуют в современных оптимистичных описаниях модели постиндустриального общества. Классическая же теория постиндустриализма относит к кризисным проявлениям политизацию и идеологизацию общественных движений, экономической и другой деятельности. По предостережению Э. Тоффлера, постиндустриальное общество находится перед выбором между дальнейшим развитием демократии или возвратом в темное средневековье. Тот факт, что знания, наука, информация в постиндустриальную эпоху превращаются в важнейшую производительную силу, а связанные с ними профессии формируют ядро новой социальной структуры, не должен вводить в заблуждение. Автор концепции постиндустриализма подчеркивал: «Может показаться, что возрождение религиозной политики повсюду в мире мало что может сделать с ростом компьютеров и новой экономики. На самом деле оно способно на это» [15, с. 77]. Парадокс состоит в том, что светские силы, боровшиеся «за индустриальный «модернизм» и массовую демократию» и сумевшие к середине индустриальной эпохи «подавить организованную религию, ослабляя ее влияние на школы, на нравственность и на само государство», именно на современном этапе оказались перед угрозой поражения [15, с. 77]. Странный, на первый взгляд, альянс молодых бунтарей, творцов контркультуры хиппи, религиозных фундаменталистов и сторонников движения «Нью эйдж», «начали мощную контратаку на секуляризм, которая скоро приняла форму весьма эффективной политической акции» [15, с. 453].

Эпоха постмодерна провозглашает гибель метанарративов культуры, установку на принципиальную множественность, эклектичность, равнозначность и равноценность разных культурных ценностей и традиций. Протест против диктата культурной нормы, иерархии, упорядоченного и структурируемого пространства культуры наблюдается как на эмпирическом уровне – в различных социокультурных практиках, так и на уровне теоретической рефлексии. Исследователи справедливо отмечают, что в этой ситуации «претерпевает трансформацию само идеологическое предназначение культуры – выступать в качестве нормирующего института действительности» [7, с. 47]. А это делает проблематичным выполнение важнейшей функции ценностно-нормативной системы культуры – обеспечение стабильности, прогнозируемости, а в итоге и безопасности.

Сценарии постиндустриализма представляются недостаточными для характеристики складывающейся сегодня новой цивилизационной ориентации на становление устойчивого развития общества. В них остается непроработанным еще один важный комплекс проблем – соотношения глобализации и экологизации современного общества. В концепциях

постиндустриального, информационного общества игнорируются природные основания функционирования государств, экологические императивы связанных с ними новых установок сознания и деятельности.

Такая постановка вопроса требует принципиального изменения представлений и о функциях государства на современном этапе. Традиционно государство рассматривается как форма организации власти, основной социальный институт политической системы общества, воздействует через правовое и административное поле на все стороны общественной жизни, оно предпринимает конкретные меры к воспроизводству социально-экономических и духовных ценностей. Современная ситуация требует формирования новой модели государства – уже не просто правового и социального, но и социоприродного, экологического, устойчивого. По мнению А.Д. Урсула, приоритетными в деятельности российского государства должны стать вопросы безопасности, сохранения и улучшения окружающей природной среды, устойчивого освоения природных ресурсов. Это принципиально новые функции государства, которые отнюдь не просто выполнить, ибо государства всех предыдущих моделей в лучшем случае лишь декларировали эти функции в своих законах, но никогда не реализовывали их [16, с. 203]. Сейчас в Экологической доктрине Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства РФ в 2002 г. эти функции четко прописаны. «Сохранение природы и улучшение окружающей среды – говорится в ней, – являются приоритетными направлениями деятельности государства и общества. Природная среда должна быть включена в систему отношений как ценнейший компонент национального достояния. Формирование и реализация стратегии социально-экономического развития страны и государственная политика в области экологии должны быть взаимосвязаны, поскольку здоровье, социальное и экологическое благополучие населения находятся в неразрывном единстве» [20, с. 6]. При этом стоит обратить внимание на то, что здесь впервые за долгие годы изменено и отношение к природе. Природа воспринимается не только как хозяйственный источник, кладовая ресурсов, но и как самоценность, национальное достояние, которое надо любить, хранить, оберегать и передавать в сохраненном виде потомкам. Все это очень созвучные новым веяниям важные цивилизационные установки.

Таким образом, констатируется, что на современном этапе необходимо формирование новой модели государства, которое бы объединяло антропо-социо-природные начала существования своих граждан. Так, например, российские ученые Р.Н. Соколова и В.И. Спиридонова считают, что ныне нужна новая концепция межгосударственного наднационального «общего блага», увязанная с концепцией национального «общего блага». К идее естественной свободы добавляется идея органической социальности как важнейшего атрибута человеческой природы. Человек, утверждают авторы, есть свободный агент, но он есть и социальный агент. Таковы две главные предпосылки демократии, одна из которых составляет основу индивидуализма, другая – общего блага. Их взаимоучет и сопряженность могут дать гармоничное сочетание двух типов поведения – естественно-эгоистического и социально ориентированного [13].

К «фундаментальным дефектам» теории исторического перехода к современному постиндустриальному типу общества М. Кастельс относит забвение о «культурном, историческом и институциональном разнообразии передовых обществ, а также о том, что в глобальной экономике они взаимозависимы», поэтому «переход к социотехнической

парадигме информационного производства идет по разным направлениям, определяемым траекторией каждого общества и взаимодействием между этими разными траекториями» [8, с. 45]. Этот аспект нелинейности, асинхронности процессов социальной трансформации в современном мире все более привлекает современных исследователей [19].

Заметное усиление роли государства, особенно его функции стратегического планирования, влияния на экономику, является важной чертой постиндустриального этапа. Экономика современных развитых государств – это экономика смешанного типа, в которой наряду с частной собственностью широко представлен государственный сектор, разработаны и апробированы механизмы государственного регулирования, как прямого, так и косвенного. На примере реформ в России М. Кастельс убедительно демонстрирует, что следование «абстрактной рыночной логике» ведет общество к краху: «Рыночная логика» так глубоко опосредована организациями, культурой и институтами, что экономические агенты, осмелившиеся следовать абстрактной рыночной логике, диктуемой неоклассической экономической ортодоксией, потерпят крах» [9, с. 175]. Период увлечения радикальными идеями в духе классического рыночного регулирования XIX века уходит в прошлое. Современные российские исследователи полагают, что эффективная экономика невозможна в условиях чистой конкуренции, без учета реальных социальных и экономических, культурных особенностей различных стран и регионов. Данная установка отражается в набирающем популярность подходе, в котором на первый план выходит идея социального капитала. Этот термин подчеркивает влияние социокультурной специфики на экономическое развитие. Отечественные социологи и социальные философы признают, что развитие социального капитала обусловлено такими факторами, как доверие, культура, социальные сети, добровольческие ассоциации и т.д. [10]. Необходимость такого рода исследований детерминирована объективными причинами: «Во-первых, без раскрытия роли социального капитала в экономической, политической и социальной жизни невозможно корректно описать процессы формирования новой институциональной среды в России. Во-вторых, существующие косвенные эмпирические доказательства влияния социального капитала на реальные экономические процессы порождают проблему измерения и оценки данного феномена» [10, с.1] .

В современном отечественном философском дискурсе присутствуют различные оценки постиндустриальной теории. От самых восторженных: «теория постиндустриального общества стала фактически единственной социологической концепцией XX века, в полной мере подтвержденной исторической практикой» [7, с. 4] – до более критичных: «теория постиндустриального общества представляет собой описание определенного среза современного общества, не затрагивает наиболее фундаментальные тенденции общественного развития и должна быть признана скорее «феноменологией» современного общества» [11, с. 4]. Дискуссии относительно ведущих трендов развития цивилизации на новом, глобальном этапе ее существования вызывают пристальный интерес как российских [3, 4, 5, 11, 18, 19], так и зарубежных авторов [2, 21, 22, 23, 24].

У Э. Тоффлера каждая новая цивилизационная волна отрицает предшествующую [14]. Из этого можно делать далеко идущие практические выводы, и они делаются. Но так ли это? В рамках самой концепции постиндустриализма позиции исследователей по этому вопросу разнятся. М. Кастельс считает, что переход от индустриальной стадии к постиндустриальной несет не настолько радикальные перемены, как предыдущий переход от аграрной

цивилизации к индустриальной. Он подчеркивает, что информация и знания были главными факторами производственного роста и в индустриальной экономике. Поэтому индустриальное и постиндустриальное общество представляются ему «двумя формами основанного на знании промышленного и сельскохозяйственного производства и производства услуг» [9, с. 202]. Особенности же последнего типа обусловлены революцией в информационных технологиях. М. Кастельс ссылается и на точку зрения Козна и Зисмана, согласно которой мы просто живем в индустриальной экономике другого рода, постиндустриальная же экономика – это миф [9, с. 202].

Однако тревожит то, что при многообразии экономических аргументов сторонников разных позиций, их философские основания проработаны значительно слабее. В методологии науки большим авторитетом пользуется концепция Томаса Куна, предложившего свое видение структуры научных революций. Согласно данной теории, научное знание накапливается в рамках действующей на конкретном историческом этапе парадигмы понимания науки. С её крахом оказывается невостребованным и весь массив накопленного ранее знания. Если перенести эти представления на цивилизационную модель организации и функционирования общества, то возникает вопрос: остаются ли в новой цивилизационной схеме элементы старой и как они работают, если остаются?

Достаточно обратить внимание на то, что в методологии науки второй половины XX века возникла идея коэволюции как процесса совместного сопряженного развития систем с взаимными селективными требованиями. Причем коэволюционная познавательная модель, выступая как универсальный методологический конструкт, отражает закономерные процессы не только в развитии природы, общества и культуры, но и свидетельствует о коэволюции идей.

При этом не надо отрицать качественное своеобразие различных этапов цивилизационного развития, коренное различие индустриального, информационного и постиндустриального путей развития человечества. Это все принципиальные ароморфные изменения организации, то есть переводящие ее на существенно более высокий уровень. Но без учета всех идиоадаптационных процессов, которые вели к становлению и утверждению предшествующей цивилизационной модели, последующая была бы невозможна. Именно накопленный ранее багаж оказывается основой, дающей возможность перейти к новому организационному этапу развития общества, и в определенном смысле осознать его необходимость для существования этого цивилизационного уровня.

Таким образом, индустриализм является основанием формирования информационного общества и необходимой основой его функционирования. Надежды на постиндустриальную стадию развития также не предполагают полного отказа от индустриализма, деиндустриализации общества. Наоборот, постиндустриализм основывается на мощном промышленном капитале, при этом непрерывно обновляющемся.

В России же с началом перестройки почти ничего не производится, уменьшается доля основного капитала. Имея такой уровень капиталовооруженности, нельзя рассчитывать на принципиальный рост производительности труда, на рост добавленной стоимости. Как считают Т. Гурова и А. Ивантер, если не поставить во главу угла экономической политики страны быстрое накопление основного (не денежного) капитала, то страна не только не будет богатеть, она будет стремительно деградировать [6]. Задача реиндустриализации страны на пути к постиндустриальному обществу весьма сложна. Решение ее возможно лишь на основе

выработки общей государственной промышленной политики в целом. Установка на превращение России, в прошлом одного из лидеров индустриального мира, в процветающую торговую державу таит в себе огромную опасность: страна может потерять остатки индустриальной мощи, и из-за целого ряда причин, связанных с природными, геополитическими, финансово-денежными факторами, не сможет закрепиться среди ведущих торговых центров мира.

Экономический динамизм, необходимый для эффективного и конкурентоспособного развития общества, отличает его западную, (вестернизированную) модель. Однако она не может рассматриваться как исторически перспективная стратегия цивилизационного развития. Опасной ее особенностью, определяющей деятельность и мировоззренческие установки, являются потребительские, экофобные по своей сути, стереотипы. Их воспроизведение в глобальном масштабе может привести к нарушению равновесия естественных экосистем. Концепции постиндустриализма не учитывают этот фактор. Они исходят из представлений об универсальном и однонаправленном характере социокультурных трансформаций в глобализированном мировом пространстве. Понимание множественности, нелинейности и несинхронности процессов социокультурной трансформации в современном мире не означает принципиального отказа от поиска общих ценностных ориентиров, общего вектора цивилизационного развития. Взаимозависимость между экономическим развитием и состоянием ценностно-нормативной системы общества начинает интересовать исследователей в новом ключе – с точки зрения обеспечения его устойчивого развития. Отсюда возникает осознание необходимости перехода от социально-экономического к социокультурному тренду развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
2. Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенностей. Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
3. Вебер А.Б. Исследование социального прогресса: глобальное измерение и вызовы для политики // Век глобализации. 2016. № 1-2. С. 133-146.
4. Глобализация и перспективы современной цивилизации / отв. ред. К.Х. Делокаров. М.: КМК, 2005. 236 с.
5. Гринин Л.Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации // Век глобализации. 2016. №1-2. С. 3-18.
6. Гурова Т., Ивантер А. Мы ничего не производим [Электронный ресурс] // Эксперт. 2012. №47(829). URL: <http://expert.ru/expert/2012/47/myi-nichego-ne-proizvodim/> (дата обращения: 20.11.2016).
7. Зубанова Л.Б. Современная культура в постклассических концепциях и актуальных социокультурных трендах // Вестник культуры и искусств. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2013. №1(33). С. 47-54.
8. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 304 с.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 201 с.

10. Кийков А.В. Социальный капитал городского поселения как ресурс местного самоуправления: дис. ... канд. соц. наук. М., 2011. 182 с.
11. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. М.: МБА, 2013. 440 с.
12. Орлов В. В. Постиндустриальное общество и Россия [Электронный ресурс] // Философия и общество. 2003. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/postindustrialnoe-obschestvo-i-rossiya> (дата обращения: 26.03.2017).
13. Соколова Р.И., Спиридонова В.И. Государство в современном мире. М.: ИФРАН, 2003. 254 с.
14. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010. 784 с.
15. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003. 669 с.
16. Урсул А.Д. Переход России к устойчивому развитию. М.: Ноосфера, 1998. 500 с.
17. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Ермак, 2005. 588 с.
18. Ховавко И.Ю. Концепция устойчивого развития в контексте глобализации // Век глобализации. 2016. №3. С. 72-73.
19. Чайко И.В. Глобальные тренды современного социокультурного развития // Вестник московской международной академии. 2015. №8. С. 136-141.
20. Экологическая доктрина Российской Федерации. М., 2003. 31 с.
21. Softpower: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Изд. дом. «Дискурс-Пи», 2015.
22. Human Development Report. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York, 2014.
23. Kemp P. Citezen of the World. New York: Prometheus Books, 2011.
24. Naisbit I. Megatrends. Ten new directions transformins our lives. N.Y., 1982.

REFERENCES

1. Bell D. The future post-industrial society. Experience of social forecasting. Moscow, Academia Publ., 2004. 944 p. (In Russian)
2. Bell D., Inozemcev V. The era of disunity. Reflections on the world of the XXI century. Moscow, *Centr issledovaniy postindustrial'nogo obshhestva*, 2007. 304 p. (In Russian)
3. Veber A.B. A study of social progress: a global dimension and challenges for policy. *Vek globalizatsii*, 2016, no. 1-2, pp. 133-146 (in Russian).
4. Globalization and the prospects of modern civilization (otv. red. K.Kh. Delokarov). Moscow, KMK Publ., 2005. 236 p. (In Russian)
5. Grinin L.E. New world order and the era of globalization. *Vek globalizatsii*, 2016, no. 1-2, pp.3-18 (in Russian).
6. Gurova T., Ivanter A. We do not produce anything. *Ekspert*, 2012, no. 47 (829). Available at: <http://expert.ru/expert/2012/47/myi-nichego-ne-proizvodim/> (accessed 20.11.2016) (in Russian).
7. Zubanova L.B. Modern culture in postclassical concepts and actual sociocultural trends. *Vestnik kul'tury i iskusstv. Cheljabinsk: Cheljabinskij gosudarstvennyj institut kul'tury*, 2013, no. 1 (33), pp. 47-54 (in Russian).
8. Inozemcev V.L. Modern post-industrial society: nature, contradictions, perspectives. Moscow, Logos Publ., 2000. 304 p. (In Russian)
9. Kastel's M. Information Age: Economics, Society and Culture. Moscow, *GU VShE Publ.*, 2000, 201 p. (In Russian)

10. Kijkov A.V. *Social'nyj kapital gorodskogo poselenija kak resurs mestnogo samoupravlenija*. Diss. kand. soci. Nauk [Social capital of the urban settlement as a resource of local self-government. Cand. soci. sci. diss.]. Moskva, 2011, 182 p. (In Russian)
11. Nazaretjan A.P. Nonlinear future. Moscow, MBA Publ., 2013. 440 p. (In Russian)
12. Orlov V.V. Post-industrial society and Russia. *Filosofija i obshhestvo*, 2003, no. 3. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/postindustrialnoe-obschestvo-i-rossiya> (accessed 26.03.2017) (in Russian).
13. Sokolova R.I., Spiridonova V.I. The state in the modern world. Moscow, IFRAN Publ., 2003. 254 p. (In Russian)
14. Toffler Je. The Third Wave. Moscow, AST Publ., 2010, 784 p. (In Russian)
15. Toffler Je. Metamorphoses of power. Moscow, ACT Publ., 2003. 669 p. (In Russian)
16. Ursul A.D. Russia's transition to sustainable development. Moscow, Noosfera.1998, 500 p. (In Russian)
17. Fukujama F. The end of history and the last person. Moscow, AST: Yermak Publ., 2005, 588 p. (In Russian)
18. Hovavko I.Ju. The concept of sustainable development in the context of globalization. *Vek globalizacii*, 2015, no. 8, pp. 136-141 (in Russian).
19. Chajko I.V. Global trends of modern socio-cultural development. *Vestnik moskovskoj mezhdunarodnoj akademii*. Moscow, 2016. no. 3, pp. 72-73 (in Russian).
20. Ecological Doctrine of the Russian Federation. Moscow, 2003. 31 p. (In Russian)
21. Softpower: theory, resources, discourse. Pod red. O.F. Rusakovoy. Yekaterinburg, Diskurs-Pi Publ., 2015 (in Russian).
22. Human Development Report. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York, 2014.
23. Kemp P. Citezen of the World. New York: Prometheus Books, 2011.
24. Naisbit I. Megatrengs. Ten new directions transformins our lives. N.Y., 1982.

© Сметанина Т.А., Лисеев И.К., 2017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сметанина Татьяна Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры Философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: TanSmetan@yandex.ru

Лисеев Игорь Константинович – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора био- и экофилософии Института Философии Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация, e-mail: liseev@ipf.ras.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Smetanina Tatyana Alexandrovna – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and social sciences, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: TanSmetan@yandex.ru

Liseev Igor Konstantinovich – doctor of philosophical Sciences, senior researcher of the Department of Bio- and jekofilosofii of the Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: liseev@ipf.ras.ru